

*Библейско-богословская коллекция*  
**Патрологическая серия**

**Фетисов Н.**

**СВЯТОЙ  
ГРИГОРИЙ БОГОСЛОВ  
КАК УЧИТЕЛЬ ЖИЗНИ**

Вера и разум, 1909, № 17-18, с. 563-581

© Сканирование и создание электронного варианта:  
издательство «Аксион эстин» ([www.axion.org.ru](http://www.axion.org.ru)), 2009



*Аксион эстин*  
Санкт-Петербург  
2009

---

## Св. Григорій Богословъ, какъ учитель жизни.

*„Любезный миръ—мой трудъ и моя похвала“.* (Сл. 23. Твор. 11, 228) <sup>1)</sup>.

Св. Григорій Богословъ принадлежитъ къ числу тѣхъ свв. отцевъ Церкви, имя которыхъ замѣчательно единодушно славить востокъ и западъ. Глубоко-просвѣщенный пастырь христіанской Церкви, серьезный богословъ-философъ, возвышенный поэтъ, христіанинъ, сіявшій благочестіемъ жизни, онъ возбуждалъ благоговѣніе и уваженіе къ себѣ уже у своихъ современниковъ. Григорій Назіанзинъ—это уста Христовы, сосудъ избранный и колодезь глубокой—восторжено писалъ о немъ св. Василій Великій. „Въ богословіи Григорій былъ великъ“, отзываясь о Григоріи Назіанзинѣ слушавшій у него уроки Свящ. Писанія краснорѣчивый и ученый, впоследствии Нитрійскій пустыножитель, Евагріи <sup>2)</sup>). Блаженный Иеронимъ, мужъ знаменитый ученостью и обширными познаніями въ христіанствѣ, несмотря на свои 50 лѣтъ, несмотря на непокидавшее его никогда сознаніе собственнаго достоинства и авторитета, оставляетъ свои Сирійскія пустыни и спѣшитъ въ Константинополь, чтобы послушать знаменитаго Григорія Богослова. Съ чувствомъ глубокой благодарности онъ вспоминаетъ его и впоследствии во многихъ своихъ сочиненіяхъ, какъ великаго учителя, катехета, ученаго знатока Священнаго

<sup>1)</sup> Настоящая статья представляетъ публичное Богословское чтеніе въ Кіевскомъ Религіозно-Просвѣт. Обществѣ въ воскресенье, 25 января 1909 года (память св. Григорія Богослова).

Творенія его будутъ цитоваться по русскому изданію из.—Москва ч. I 1843 г., II—тоже, III—IV ч.ч. 1844 г.

<sup>2)</sup> Заимств. изъ соч. преосв. Филарета. Историч. ученіе объ отцахъ т. из. II. С.-П. 1859, стр. 190. Срв. *Sozom. Hist. eccles. lib. VI.* с. 30.

Писанія <sup>1)</sup>. Руфинъ, епископъ Аквилійскій, не находитъ словъ, чтобы восхвалить Григорія Назіанзина: „Григорій. говоритъ онъ, мужъ превосходный во всѣхъ отношеніяхъ. славный словомъ и дѣломъ... Нѣтъ ничего честнѣе и святѣе его жизни, славнѣе его краснорѣчія, чище и правѣе его вѣры, полнѣе и совершеннѣе его знанія, такъ какъ онъ одинъ только таковъ, что о его вѣрѣ не могли, какъ обыкновенно бываетъ, спорить и несогласныя между собою партіи, и та его заслуга предъ Богомъ и Божьими церквами, что кто осмѣлится допустить въ вѣрѣ что-либо несогласное съ Григоріемъ, тотъ тѣмъ самымъ уже обличаетъ себя въ томъ, что онъ—еретикъ. Ясный признакъ, что человѣкъ держится не правой вѣры, если онъ не согласенъ въ вѣрѣ съ Григоріемъ“ <sup>2)</sup>. „Ужели тебѣ кажется недостаточнымъ авторитетъ восточныхъ епископовъ въ лицѣ одного Григорія? спрашиваетъ Целагія другой учитель Западной Церкви, блаж. Августинъ. Вѣдь это такая личность, что онъ самъ не говорилъ ничего, кромѣ всѣмъ извѣстнаго въ христіанской вѣрѣ“ <sup>3)</sup>. Слава и обаяніе Григорія не умерли вмѣстѣ съ его современниками и ближними поколѣніями къ нимъ, но какъ подлинно, память праведника послѣдовательно переходила изъ рода въ родъ. Спустя достаточно времени послѣ смерти Григорія, Максимъ Исповѣдникъ называлъ его славнымъ и богоноснымъ учителемъ, великимъ проповѣдникомъ церкви, божественными устами Христа, великимъ въ богословіи <sup>4)</sup>, св. Θεодоръ—начальнѣйшимъ богословомъ <sup>5)</sup>, св. Софроній—тайноводителемъ богословія <sup>6)</sup>. Цѣлый 3 вселенскій соборъ обращается къ Григорію Богослову, какъ къ непререкаемому авторитету, 7-ой—не-

<sup>1)</sup> См. въ кн. о знаменитыхъ мужахъ гл. 117, въ соч. противъ Ювіаніана, въ Комментаріи на кн. Иоанн, гл. 6 и мн. др.

<sup>2)</sup> По переводу, приведенному у Виноградова въ соч. „Догматич. система св. Григорія Б. Казань 1887 г. стр. 504.

<sup>3)</sup> Заимств. изъ соч. Виноградова „Догматическая система“ св. Григорія Б. Казань 1887 г. стр. 505.

<sup>4)</sup> Ibidem.

<sup>5)</sup> Канонъ на субботу Сырной недѣли.

<sup>6)</sup> ὁ τῆς θεολογίας μυσταγωγός—Biblioth. Photii 231. Migne gr. s. t. 103 col. 1089.

однократно примѣняетъ ему титулъ „соименикъ богословія“. А воинствующая христіанская церковь на землѣ, желающая пѣснопѣніями славословить высочайшую главу свою Господа Иисуса Христа, не находитъ ничего лучшаго, какъ обратиться за матеріаломъ для этого—словами и мыслями, къ твореніямъ великаго Григорія Богослова. Такъ, словами этого великаго учителя она прославляетъ воскресшаго Господа даже въ праздникъ праздниковъ—день Св. Пасхи, родившагося Богочеловѣка—въ праздникъ Рождества Христова. У Григорія Богослова она черпаетъ вдохновеніе и выраженіе для него въ день Божоявленія или Крещенія Господня, въ день Пятидесятницы, въ день празднованія вообще святителямъ.

Неудивительно, поэтому, что и восшедшій на это священное мѣсто сегодня, въ день воспоминанія Церковію св. Григорія Богослова, изъ уваженія и благоговѣнія къ этому мужу желаній, сосуду избранному, устами Христовымъ, хочетъ предложить свое слово въ честь и память его, хочетъ взять, какъ говорили современники Григорія, *челнокъ* своего духа и, по мѣрѣ даннаго ему таланта, хотя, быть можетъ, и въ размѣрѣ одного только, въ назиданіе и умиленіе собравшихся, попробовать простереть мысленную нить, простереть по крайней мѣрѣ до того, чтобы на основѣ ея всѣмъ намъ можно было начать и молитву <sup>1)</sup>...

Сподобившись у Господа на небѣ одинаковой славы съ св. Василиемъ Великимъ и Іоанномъ Златоустомъ, какъ то засвидѣтельствовалъ самъ Господь въ таинственномъ видѣніи Евхатистскому епископу Іоанну (XI в.) <sup>2)</sup>, Григорій Назіанзинъ, какъ человекъ, при жизни своей рѣзко отличался отъ нихъ. Св. Василій—отрасль богатой и благородной фамиліи Каппадокіи, былъ мужемъ силы, крѣпко закалившимъ свою натуру въ продолжительныхъ аскетическихъ подвигахъ. Прекрасное знаніе свѣта и людей съ выработаннымъ отсюда поразитель-

<sup>1)</sup> Срв. у св. Ефрема Сирина въ его похвальномъ словѣ Василию. Твор. III стр. 101 изд. М. 1849.

<sup>2)</sup> См. объ этомъ печатный прологъ подъ 30 января, а также ст. проф. Н. И. Петрова „о вѣншемъ видѣ св. Іоанна Златоустаго“—труды Кіевской Д. Акад. декабрь 1907, стр. 581—82.

нымъ тактомъ его поведенія, слава учености и краснорѣчія соединились въ немъ съ замѣчательнымъ даромъ организатора и администратора. Іоаннъ Златоустъ сынъ богатаго антиохійскаго аристократа Секунда, закалившій свою натуру продолжительнымъ искусомъ пустыни и монастырей, является предъ нами тоже глубокимъ знатокомъ свѣта и людей, чело-вѣкомъ поразительной цѣльности, силы и удивительнаго безстрастія. Григорій Богословъ, по своему характеру, представлялъ совсѣмъ другое. Какъ самобытный оригинальный мыслитель, парящій, подобно орлу, въ тайнахъ богопознанія, соименный писателю 4-го евангелія, св. Григорій и своимъ духовнымъ складомъ напоминалъ больше его. Въ немъ была та же рѣдкая глубина и сила чувства, дѣлавшая характеръ его болѣе женственнымъ, чѣмъ мужественнымъ, что и въ безсмертномъ Галилейскомъ рыбацкѣ. та же тихая, тонкая, поэтическая водупевленность, спокойно царившая надъ землею изъ св. глубинъ синяго неба... Если Василій Великій и Іоаннъ Златоустъ, по своему характеру, не были созданы къ тихой, внутренней жизни самоуглубленія; если ихъ натура была болѣе склонна къ чисто-внѣшней жизни и дѣятельности для другихъ, то у Григорія Богослова не было, именно, этого дѣятельнаго нерва своихъ современниковъ. Ему „пастырю робкому и осмотрительному (Сл. 22. 11. 214) <sup>1)</sup>“, котораго, по собственному его признанію, укоряли даже въ недѣятельности (*ibid*), недостовало настойчивости и той закаленности, которая даетъ людямъ возможность, не только презирать низость своихъ противниковъ, но и выступать противъ нихъ и подавлять ихъ. Не будучи слишкомъ вялымъ и чрезъ мѣру горячимъ (срв. сл. 6. I. 237), онъ въ дѣятельную жизнь вносилъ сильное желаніе мира и покоя. Онъ считалъ себя вправѣ повернуть свой руль, какъ говоритъ пословица и какъ онъ свидѣтельствовалъ самъ другу своему Филагрію, и дѣйствовать, какъ дѣйствуетъ кормчій, когда онъ замѣчаетъ приближеніе

<sup>1)</sup> Для краткости, произведенія Григорія Богослова мы будемъ цитировать, указывая первою цифрою *номеръ* его слова, второю — *томъ* русскаго изданія его твореній (М. 1843 и 1844) и третьею — *страницу* этого тома, а иногда — просто и двумя цифрами — тома и страницы.

бури, именно уйти въ себя самого и видѣть только издали какъ другіе потрясаются другъ другомъ и потрясаютъ другъ друга (письмо Филагрія)... Отсюда, хотя и Василій Великій и Іоаннъ Златоустъ не молчали въ своихъ словахъ о мирѣ и покоѣ, какъ общей христіанской настроенности, но ни тотъ, ни другой не говорили о немъ такъ, какъ Григорій Богословъ. Подобно тому, какъ св. апостоль и евангелистъ Іоаннъ, можетъ быть названъ возвышеннѣйшимъ цѣвцомъ любви, ея учителемъ, несмотря на то, что о любви проповѣдывали и другіе апостолы, такъ и Григорій Богословъ, какъ учитель жизни, по преимуществу, является предъ нами учителемъ мира и единоклѣвнѣйшихъ людей въ взаимныхъ отношеніяхъ. „Любезный миръ—мой трудъ и похвала. Любезный миръ... весьма сильно и болѣе всякаго другого люблю и лобызаю тебя, заботливо храню, когда ты—съ нами и о, многими слезами и рыданіями призываю тебя, когда оставляешь насъ (Сл. 23. 11. 228)“. „Скорблю о томъ, что не могу, взошедши на одну изъ высокихъ горъ, голосомъ, соотвѣтствующимъ желанію, предъ цѣлюю вселенною возгласить такъ всѣмъ неблагочестиво мыслящимъ: *сынове челоувѣчестіи, доколь жестокосердію, вскую любите суету и ищете жижи* (Пс. 4, 3); (Сл. 22. 11. 219). „Будемъ прекращать собственныя разногловія“ (abid. 217)—поручителемъ же этого мира я, пастырь робкій и осмотрительный (Сл. 26. 11. 293), шедшій принести не мечъ, но миръ (Сл. 13. 1. 315),—такъ говорилъ св. Григорій въ своихъ проповѣдяхъ, и эти слова его, можно сказать, были основой всей его проповѣднической жизни.

Миръ, согласіе, по глубокому убѣжденію св. Григорія, существуютъ искони въ вселенной. Они одни только могутъ прекрасно сказать то, что провѣщало сотворившее все Слово: когда вселенная осуществлялась и устроилась Богомъ, бѣхомъ при Немъ устроая, бѣхомъ при Немъ, егда готовяше престоль свой на вѣтрѣхъ и егда крѣпкій творяше облака, егда основа землю и тверды полагаше источники поднебесныя и духомъ устъ своихъ даровалъ всю силу ихъ (Прот. 8. 27. 28; Пс. 33, 4. Срв. у Григорія). Ограждая, такимъ образомъ, какъ мать, искони вселенную, миръ неможетъ оконча-

тельно исчезнуть съ лица не—поколебавшись, онъ возстанавляется и удалившись, непремѣнно возвращается,—какъ то растеніе, которое, если согнуть его руками и потомъ оставить на свободѣ, опять разогнется и обнаружить въ себѣ то свойство, что насиліемъ его можно нагнуть, но не выпрямить (Сл. 22. 11. 214). Убѣжденіе въ этомъ вѣчномъ мирѣ и согласіи на землѣ, св. Григорій повелѣваетъ почерпнуть прежде всего изъ понятія о христіанскомъ Богѣ. „Помыслимъ (для этого), говорить онъ, во первыхъ, о превосходнѣйшемъ и высочайшемъ изъ всего сущаго Богѣ“.. (Сл. 6. 1. 229). Христіанскій Богъ—Сущій (Сл. 30. III. 96—97. 38. 238), есть единое (Сл. 28. III. 28—29; Сл. 22. 11. 224), неопишемое (*ibid*), освобожденное отъ всѣхъ ощущеній и мыслей (II. 288. (III. 22—24. III. 25—26, 238 и т. д.), само съ собою согласное, всегда тождественное (11. 224), но въ то же время Оно опредѣляющее Себя по отношенію къ всякому другому, существующему внѣ его, какъ обладающее, именно, всѣмъ этимъ другимъ, не могущее имѣть ничего внѣ Себя; Онъ не есть что-нибудь, но не можетъ быть лишенъ и чего-нибудь: Оно—все: „Оно есть жизнь и жизни, свѣтъ и свѣта, благо и блага, слава и славы, истинное и Истина (11. 224). Въ этомъ—Его метафизическое всеединство, а переводимое на языкъ этики въ этомъ Его—миръ, любовь и отсутствіе всякаго разногласія и разъединенія. Въ этомъ—у Него „столько согласія съ Самимъ Собою и съ вторичнымъ, что, наряду съ другими именами, какими угодно называться Богу, стало преимущественно Его названіемъ миръ (Ефес. 11. 14), любовь (1 Иоан. 4 16; св. Григорій Богосл. 1, 230. II. 228).—Человѣкъ—это *ὁμοιοῦμενον*, по выраженію Григорія Богослова <sup>1)</sup>, *θεῖα μοῖρα* <sup>2)</sup> есть созданіе Бога по Его образу (III. 242. IV. 158. 305), и это съ логической необходимостью заставляетъ заключать cadaго, что метафизическая природа Бога—всеединство, а этическая—миръ и любовь должны были отчетливо обозначаться и въ человѣкѣ (Ср. 40. III. 274—5). Онъ, какъ

<sup>1)</sup> Живое существо, здѣсь приготовляемое Срв. Migne gr. ser t. 38 or. 38 n. 11 col. 321. 324.

<sup>2)</sup> Carn. dogm. VIII de anima v. 77 Mg. t. 36 col. 452. Срв. сл. 14. II. 7.

и Творецъ, въ своемъ внутреннемъ идеальномъ бытіи самоутверждающійся, самостоятельный, вѣчный, отрѣщенный всякихъ частичныхъ формъ бытія и сознающій себя единымъ во всемъ и всѣмъ въ единствѣ. Онъ можетъ желать, представлять, чувствовать, но желать, представлять, чувствовать, подобно своему Высочайшему Творцу все, и это все даетъ одинаковое содержаніе его уму, его волѣ и его чувству, гармонически—мирно объединяя эти способности, но въ то же время и утверждая ихъ въ своихъ особенностяхъ, не отрицая особенностей существованія каждой изъ нихъ въ отдѣльности. Въ этомъ сознаніи себя образомъ Бога, въ этомъ сходствѣ съ Нимъ внутренней своей жизни и ея закона—любви, мира, для чловѣка—залогъ своего опредѣленія и по отношенію къ остальной множественности. Отъ созненія своего Богоподобія чловѣкъ легко можетъ заключить къ безусловному достоинству и одинаковыхъ съ нимъ этихъ другихъ людей; я есть, окажется тогда, *они*, и *они*, на самомъ дѣлѣ, суть я. И если мое я хочетъ знать миръ и стремиться къ нему, то этотъ миръ хотятъ знать и другіе. Отсюда, слѣдствіемъ подлинныхъ естественныхъ отношеній всякаго къ другому, долженъ быть тотъ же любезный, достохвальный миръ. Примѣромъ же этого мира живыхъ существъ послѣ Бога являются окружающія Его служебныя силы или духи—ангелы (Сл. 6. I 230. Ср. II 243). Они, стоя окрестъ Бога и озаряясь отъ Первой Причины чистѣйшимъ озареніемъ, неизмѣнно пребываютъ въ своемъ достоинствѣ, въ которомъ главное составляютъ миръ и безмятежіе. Въѣстѣ съ святозарностью отъ всехвальныя и св. Троицы они получаютъ и то, чтобы быть единымъ (Сл. 6, I. 230. Срв. II. 243). Но какъ бы ясно природа духа ни говорила о мирѣ и согласіи, сверхъ сего, говоритъ св. Григорій Богословъ, внимая гласу Божьему, воззримъ еще на небо горѣ и на землю низу (Ис. 8. 22) и вникнемъ въ законъ твари. Небо, земля, море, словомъ, весь міръ, сія великая и преславная книга Божія, въ которой открывается самымъ безмолвіемъ проповѣдуемый Богъ. сей міръ доколѣ стоитъ твердо и въ мирѣ (согласіи) съ самимъ собою, не выступая изъ предѣловъ своей природы, доколѣ въ немъ ни одно существо не возстаетъ

противъ другого и не разрываетъ тѣхъ узъ любви, которыми все связалъ Художникъ—Творческое слово: дотолѣ соотвѣтствуетъ своему названію и, подлинно, есть міръ (*κόσμος*) и красота несравненная, дотолѣ ничего нельзя представить себѣ славнѣе и величественнѣе его. Но съ прекращеніемъ мира, и міръ перестанетъ бытъ міромъ. Въ самомъ дѣлѣ, не примѣчаешь ли, обращается къ слушателю великій учитель, что законъ любви управляетъ небомъ, когда оно въ стройномъ порядкѣ сообщаетъ воздуху свѣтъ и землѣ дождь? А земля, воздухъ не родительской ли любви подражаютъ, когда даютъ всѣмъ животнымъ, одна—пищу, другой—возможность дышать и тѣмъ поддерживать жизнь ихъ? Не миромъ управляются времена года, которыя, кратко между собою растворяясь, постепенно заступаютъ одно мѣсто другого. и средними временами смягчаютъ суровость крайнихъ, служа тѣмъ вмѣстѣ къ удовольствію и пользѣ? Что сказать о днѣ и ночи, которыя управляются другъ съ другомъ, равномерно возрастая и убывая, изъ которыхъ одинъ призываетъ насъ къ дѣіямъ, а другой—къ покою? Что сказать о солнцѣ и лунѣ, о красотѣ и множествѣ звѣздъ, которыя стройно появляются и заходятъ? Что сказать о морѣ и сушѣ, которыя мирно между собою соединяясь, благосклонно и человѣколюбиво передаютъ другъ другу челоуѣка и богато и щедро расточаютъ ему свои сокровища?... Что сказать о соразмѣрности и согласіи членовъ, о пищѣ, о рожденіи и обитаніи, опредѣленныхъ каждому животному, изъ которыхъ одни господствуютъ, другія подчиняются, однѣ покорны намъ, другія свободны? Если все сіе бываетъ такъ, и распоряжается и управляется по первоначальнымъ законамъ гармоніи, такъ какъ бы все вмѣстѣ текло, одно имѣло дыханіе, то можно ли сдѣлать изъ сего другое заключеніе, кромѣ того, что все проповѣдуетъ намъ о дружествѣ и единомысліи, что все предписываетъ намъ законъ единодушія“ (Сл. 6. I. 231—233).

Правда, съ того времени, какъ челоуѣкомъ въ раю былъ допущенъ самонадѣянный порывъ своего ума, вопреки заповѣди Божіей, постигнуть то, что для него было еще непостижимо, вселенная, вышедшая изъ руки Творца *κόσμος*’омъ, измѣни-

лось. Самъ человѣкъ—это всединство вступилъ въ борьбу съ природою, потерялъ способность ясно ощущать свою связь съ Богомъ и отсюда расторгъ единство, родство свое съ людьми (Ср. II. 29). Дерзость, горячность (но не пламенность—Сл. 32. III. 136) или тотъ же порывъ знать, чувствовать больше того, чѣмъ слѣдуетъ, „эта непомѣрная великость духа“, (ibid) слѣдалось у человѣка теперь обычнымъ. Въ результатѣ—человѣкъ не хочетъ признавать въ ближнемъ своемъ брата. и Иуда и Израиль уже не поставляютъ власть едину, и мы уже не одного Христа, а Павла, Аполлоса и Кифы (Сл. 6, I. 224), рука презираетъ глазъ и глазъ—руку, голова возстаетъ противъ ногъ, и ноги чуждаются головы (Сл. 6, I. 225), появились слова „мой, твой, старый, новый, ученіе или духовнѣе, благороднѣе или ниже родомъ, богаче или бѣднѣе (Сл. 42. IV. 44), появилось желаніе стать справа, слѣва. всрединѣ, выше, ниже (Сл. 26. II. 308). И изъ-за всего этого все у насъ стало приходиться въ замѣшательство и колебаться, изъ за всего этого предѣлы вселенной мятутся подозрѣніемъ (II. 308), многіе ниспадаютъ въ пропасть, становятся на сторонѣ козлищъ не только нисшіе, но даже и тѣ, которые, бывъ учителями Израиля, сихъ не уразумѣли (Іоан. 3. 10; Григ. Бог. II. 308). Но несмотря на это миръ, поколебавшись такъ, все же не исчезъ съ лица земли и, повидимому, удалившись. онъ можетъ быстро возвратиться. „Вселенная поражена грѣхомъ. но не неисцѣльно“, утѣшаетъ св. Григорій (Срв. II. 43). „Запреобразовательнымъ свѣтомъ, соразмѣрнымъ съ силами принимающихъ его, снѣнью Истины и тайны великаго свѣта“ (Сл. 40. III. 275), т. е. ветхозавѣтнымъ писаннымъ закономъ<sup>1)</sup>, на землю является само Слово Божіе (Сл. 37. III. 214. 38. III. 235. 245), принимаетъ къ Своему Божеству человѣчество и въ своемъ ученіи и жизни Богочеловѣка предлагаетъ средства возстановить поколебленный миръ на землѣ. Для этого Испытатель, по мысли Богослова, долженъ былъ пережить всѣ земныя состязанія и войти во всѣ человѣческія отношенія, чтобы чрезъ это униженіе и снисхожденіе Бога все человѣчество

<sup>1)</sup> Ветхій Завѣтъ, по Григорію Бог., вмѣлъ цѣлью тоже дать человѣку единеніе духа въ союзъ мира (Ср. II. 231, 247).

было возвышено и очищено, чтобы подъ всеми ограниченіями открылся образъ Божественной жизни и представленъ былъ человѣчеству высочайшій и вѣчный нравственный образецъ <sup>1)</sup>. Короче—этимъ Искупителемъ мы, люди, возвращены снова къ Богу (Сл. 38. III. 235 и д.) Теперь змій, считающій себя мудрѣйшимъ, приступивъ къ новому Адаму (человѣку), встрѣтитъ въ немъ уже самого Бога и о крѣпость Его сокрушить свою злобу, подобно тому, какъ бурное море сокрушается о твердую скалу (Сарм. dogm. IX). Путемъ исполненія новыхъ заповѣдей I. Христа (Сл. 20. II. 174), человѣкъ можетъ легко познать это Божество, свое всеединство, свое родство съ другими и для всѣхъ готовить единеніе духа въ союзъ мира. Значить, вѣрный залогъ мира вселенной, несмотря на видимыя, постоянныя безчинства и несогласія ея, опять остался въ человѣкѣ. Пусть человѣкъ, руководясь мыслью о Богѣ, о Христѣ, заглянетъ глубже внутрь себя, здѣсь узнаетъ то, какъ онъ духовнокъ природою похожъ на самого Бога (Ср. Dogm. Сарм. IV). Отъ этого своего Богоподобія или Богопознанія онъ пусть перейдетъ къ такой же мысли Богоподобія и Богосознанія и въ другихъ людяхъ, и окажется, что всѣ люди—родные братья, дѣти одного общаго Отца, такой же образъ Его Безсмертнаго, одинаково возстановленный или просвѣтленный послѣ грѣхопаденія праотцевъ Кровью одного Искупителя, Христа—Богочеловѣка, а вся вселенная—одна общая братская семья, въ которой миръ и любовь должны быть основнымъ правиломъ жизни.

Такова въ краткихъ чертахъ была проповѣдь Григорія Богослова о мирѣ. Нельзя не видѣть, что, по своимъ основаніямъ, она представляетъ не что иное, какъ одухотвореніе философіи Платона (въ позднѣйшей ея формѣ—неоплатонизмѣ) и потому понятно, что могла производить соответствующее впечатлѣніе больше и прежде всего на образованныхъ современниковъ Григорія. Только тѣ, которые, согласно духу времени, руководились въ своихъ догматическихъ изслѣдованіяхъ правилами діалектики (Срв. Гр. Б. III. 61), которые заня-

<sup>1)</sup> Подр. см. изслѣд. свящ. Н. Виноградова. Догматич. ученіе св. Григорія Богослова. Казань 1887 г. стр. 426.

тымъ у мірской мудрости были сведены съ ума и вдавались въ всевозможныя новизны понятій <sup>1)</sup>, могли съ пользой внимать такой логикѣ св. Григорія въ словахъ о мирѣ. Остальные же всего скорѣе шли слушать Григорія, болѣе увлекаясь изяществомъ и колкостью его рѣчи, которая, не смотря на слабость и провинціальность выговора, (срв. III. 172; VI, 27) звучала, по отзыву современниковъ (подобно софисту Палемону), какъ олимпійская свирѣль <sup>2)</sup>. Для того, чтобы въ эту простую массу народа насадить истинное понятіе о мирѣ вселенной, необходимо было къ словамъ проповѣдника прибавить еще нѣчто другое. Послѣдній самъ долженъ былъ живымъ примѣромъ своей жизни убѣдить ихъ въ красѣ и послѣдовательности для христіанина мирнаго настроенія, собственно жизнью наглядно подкрѣпить мало понятныя, богословско-философскія обоснованія его въ своихъ звучныхъ, красивыхъ со-виѣ рѣчахъ, и Григорій Богословъ отчетливо сознавалъ все это. Его женственная натура какъ разъ была создана для того, чтобы вездѣ и во всемъ искать прежде всего этого мира и спокойствія для себя и другихъ: Поэтому живетъ ли св. Григорій въ Аѳинахъ среди буйного студенчества, переселяется ли монахомъ на уединенную, лѣсистую гору „безсолнечнаго“ Понта, возвращается ли въ маленькое поселеніе діоцесарійцевъ (Сл. 33 III. 170), Назіанзъ, принимаетъ ли скромное званіе пресвитера и хорепископа, становится ли епископомъ сначала бѣднаго грязнаго городка Сасима, затѣмъ патріархомъ блестящей роскошной столицы Константинополя или опять, наконецъ, удаляется ли въ Аріанзъ, отказавшись отъ свѣта и думая наслаждаться только садомъ съ его ручьемъ и пріятною тѣнью—вездѣ онъ хочетъ знать и видѣть одинъ только миръ и миръ кругомъ. Изъ каждаго періода его жизни мы имѣемъ поразительныя свидѣтельства о томъ, какъ, дѣйствительно, дорогъ и любезенъ былъ для него этотъ миръ въ себѣ и другихъ.

<sup>1)</sup> Срв. творенія Василія Вел. III. 29.

<sup>2)</sup> Срв. у блж. Иеронима De uiris illustribus cap. 117, о Палемонѣ—у Филострата въ De Vita Sophistarum et Callistrati см. Philostrarum et Callistrati opera recognovit A. Westermundn Paris. M. DCCCXLIX.

Вотъ св. Григорій - еще юноша съ первымъ пробивавшимся пушкомъ на щекахъ въ Аѳинской школѣ... Молодежь во всѣ времена болѣе или менѣе похожа одна на другую: всегда школьныя занятія она любила и любить разнообразить всевозможными шалостями и проказами. Во времена Григорія у аѳинской учащейся молодежи былъ въ ходу одинъ грубый обычай приѣма новичка. Приѣмъ этотъ носилъ названіе „бани“, и его побаивался всякій новый студентъ Аѳинской Академіи; назначеніе его—на самыхъ первыхъ порахъ вытравить всякое высокоуміе новичка и подчинить его товарищескому авторитету (см. 43. IV 71). Зная, какъ тяжело, какъ далеко немирно этотъ грубый способъ уплаты за свое волвореніе въ училище знанія можетъ отразиться на молодомъ аристократѣ Каппадокіи—св. Василія, св. Григорій убѣждаетъ своихъ товарищей принять его земляка безъ этого стариннаго обычая. А затѣмъ, когда армянскій училищный феррейнтъ, вмѣсто бани, придумалъ втянуть Василія въ одинъ бессмысленный споръ, то св. Григорій ловкимъ діалектическимъ приѣмомъ выручилъ Василія и далъ ему возможность одержать блистательный триумфъ надъ проказниками.. Уже здѣсь въ Аѳинахъ св. Григорій началъ дѣлать желаніе, какъ бы, по окончаніи образованія, удалиться ему въ пустыню и всецѣло обратить свои мысли къ иному міру. Но забота о родителяхъ, опасеніе, что подвигъ отшельничества не дастъ мира и покоя его престарѣлымъ родителямъ, заставляють предпочесть „безсолнечному“ (Писмо Григ. Б. 4) уединенному Понту „многія и отяготительныя заботы“ (Стих. 11 срв. сл. 43, IV, 81). Тиберинскаго отцовскаго имѣнія. Вскорѣ ему пришлось осуществить свое желаніе, вырваться изъ отцовскаго имѣнія и уйти въ пустыню къ Василю, но ненадолго: черезъ 2 года то же желаніе *мира* отцу и Назіазнской паствѣ, смущенной опрометчивою подписью отцомъ Григорія—аріанскаго символа, побуждають его снова бѣжать изъ пустыни въ Назіазъ, утѣшаясь, что „Богъ даруетъ родителямъ дѣтей для того, чтобы имѣли въ нихъ помощь, и ими, какъ жезлами, подпирали дрожащія члены свои“ (Стихи о самомъ себѣ VI, 282). Неожиданная хиротонія во пресвитера сначала волнуеть Григорія, и онъ

на минуту, какъ воль уязвимый слѣпнемъ (VI 16), бѣжитъ въ Понтъ, чтобы въ божественномъ другѣ найти врачество, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, вспомнивъ отца, который изнемогалъ... отъ желанія имѣть его при себѣ (VI, 16), возвращается въ Назіанзъ. произноситъ первую свою проповѣдь и публично проситъ себѣ прощенія; старается и въ себѣ и въ отцѣ и въ паствѣ водворить миръ, объявляя, что наряду съ искреннею неохотою служить Богу Моисея и Іереміа, у него уже есть охота служить подобно Аарону и Исаи (Сл. 1. I. 5—6). Когда у Василія Великаго (еще пресвитера) вышли недоразумѣнія съ Евсевіемъ епископомъ Кесарійскимъ, Григорій укрываетъ перваго въ Понтѣ, а послѣдняго цѣлымъ рядомъ писемъ старается примирить съ скрывшимся Василіемъ: если я имѣю какое либо значеніе у тебя, писалъ Григорій Евсевію, то, пожалуйста, примиришь съ Василіемъ. (Письмо 17). Когда Василій Великій послѣ нѣкоторыхъ прелятствій, благодаря случайному присутствію Григорія старшаго, отца Григорія Богослова, самъ сдѣлался епископомъ Кесаріи, то Григорій, горячо любящій друга Василія, пишетъ ему только поздравительное письмо. но не является лично самъ, чтобы свидѣтельствовать другу епископу свою радость. Въ данномъ случаѣ, великій Григорій опять имѣлъ въ виду миръ новаго епископа съ своею паствою—вѣдъ, клеветники, видя Григорія Назіанзина въ это время у Василія въ Кесаріи, легко могли сказать, что новый епископъ окружаетъ себя собственными сторонниками. (Срв. 38 письмо Г. Б.). Однако, какъ только Василій былъ вгнать въ распри и затрудненія съ гражданскою властью, Григорій немедленно пишетъ ему и общается немедленно прибыть самъ, чтобы возстановить опять поколебленный миръ въ Кесарійской паствѣ... Григорій неожиданно для себя былъ поставленъ другомъ своимъ Василіемъ въ епископы грязнаго и бѣднаго города Сасима. Краснорѣчіе, утонченная образованность и богословская глубина назіанзскаго пресвитера какъ будто бы были забыты при этомъ его назначеніи, и безпощадно оказались отосланными въ эту станцію перемѣны лошадей, въ это поселеніе агентовъ, погонщиковъ и странствующихъ торговцевъ (ср. Сатч. XI). Григорій

не могъ не скорбѣть отъ такого незаслуженнаго третирова-  
 нія его другомъ, но въ моментъ епископскаго посвященія  
 своего, ради горячо любимой идеи мира, онъ рѣшительно осу-  
 дилъ свою самостоятельность и недостатокъ смысла, нашель  
 въ себѣ силы безъ всякой ироніи и сарказма публично благо-  
 дарить своего друга за его доброту и преданность, по кото-  
 рой онъ не далъ зарыть ему своего таланта въ землю (сл 10.  
 I 297—8)... Нерасположенный совершенно къ борьбѣ съ тѣмъ-  
 скимъ епископомъ Анѳимомъ, который началъ настраивать са-  
 симскую паству противъ Василія, Григорій считаетъ за луч-  
 шее оставить Сасимъ, и удаляется въ пустыню; однако изъ  
 пустыни не можетъ отказать отцу въ просьбѣ, чтобы прибыть  
 въ Назіанзъ и тамъ, по его собственной метафорѣ, поддержи-  
 вать крылья сильнаго, но утомленнаго орла, освободить на-  
 зіанзскую паству отъ аріанскихъ разногласій и давать ей  
 миръ и единодушіе.. Въ 373 году въ Назіанзѣ было народ-  
 ное возмущеніе. Губернаторъ провинціи, въ наказаніе бунтов-  
 щиковъ обѣщаль низвести городъ на степень поселенія и даже  
 разрушить его совѣмъ. Для предотвращенія этого наказанія,  
 съ одной стороны, для утѣшенія и успокоенія трепещущаго  
 народа, съ другой, въ роли народнаго ходатая предъ разгнѣ-  
 ваннымъ властелиномъ и трибуна—миротворца предъ наро-  
 домъ мы видимъ не кого другого, какъ св. Григорія, епископа  
 Сасимскаго.. Въ 379 году св. Григорій приглашается еписко-  
 помъ въ столичный городъ греко-римской имперіи, Констан-  
 тинополь. Этотъ центръ борьбы всевозможныхъ партій, не  
 только ереси и раскола, но даже и православія далъ Григо-  
 рію громадное поле для дѣятельности въ духѣ мира. Въ кра-  
 сивыхъ, сильныхъ словахъ онъ осуждалъ пустую логомахію и  
 игру антитезами лжеименнаго разума у своей новой паствы.  
 Это именно, по мысли св. Григорія, было причиной безраз-  
 судной партійности между ними, отсутствіемъ между ними  
 безпристрастнаго отношенія другъ къ другу. Сами собранія,  
 гдѣ имѣлъ говорить св. Григорій, по его собственному завѣ-  
 ренію, походили на бушующее море, но только, пока не на-  
 чиналась его проповѣдь. Какъ только „снѣ взывалъ словомъ  
 противъ бури, и буря утихала (Сачт. XVI)“. Препринимъ ду-

хомъ мира оставались запечатлѣнными и всѣ поступки Григорія въ высокомъ званіи столпчанаго патріарха. Напомнимъ то оскорбленіе, какое нанесъ Григорію обласканный имъ модный философъ того времени Максимъ Ципикъ. Онъ хотѣлъ взять у Григорія кафедру Константинополя для себя и коварною лестію добился даже сочувствія въ этомъ со стороны александрійскаго епископа Петра и нѣкоторыхъ египетскихъ епископовъ. Если бы Григорій былъ такимъ человѣкомъ, который могъ считать вражду противъ лицъ, причинявшихъ ему несправедливость, то онъ могъ бы находить труднымъ для себя подавить всѣ чувства мщенія противъ Петра и египтянъ, вставшихъ на сторону Максима, ставленника жалкой лавки одного свирѣльщика <sup>1)</sup>. Но на самомъ дѣлѣ, какъ истинный миротворецъ, онъ воспользовался первымъ же случаемъ для того, чтобы примириться съ ними и дѣлалъ все зависящее отъ себя для того, чтобы обезпечить истинный и прочный миръ... Напомнимъ, далѣе, какъ послѣ неудачнаго приглашенія къ миру собравшихся епископовъ на 2 вселенскомъ соборѣ, когда для Григорія стало ясно, что голосъ спокойствія и разума оказывается бесполезнымъ во время бурныхъ засѣданій этого собора, онъ съ искренней простотой выразилъ готовность отказаться не только отъ чести предсѣдателя собора, но и отъ кафедры Константинополя. Онъ рѣшилъ принести себя въ жертву мира и отправившись на соборъ, заявилъ отцамъ, что „каково бы ни было ихъ рѣшеніе касательно его, самъ онъ проситъ ихъ возвести свои мысли къ высшимъ предметамъ и быть единомышленными другъ съ другомъ въ любви. Неужели они хотятъ сдѣлаться притчей и присловіемъ распри и партійности? Что касается его лично, то онъ совершенно готовъ, если только хотятъ этого, сдѣлаться вторымъ Іоной. Хотя онъ и совершенно неповиненъ въ причиненіи всей этой бури, однако пусть они выбросятъ его за бортъ, чтобы спасти корабль; нѣкая дружественная Рыба изъ бездны морской придетъ спасти его!“. Болѣе сильной любви къ миру Григорій показать уже не могъ. Этимъ онъ ясно показалъ, что любилъ миръ, и спокойствіе до самоотверженія... Наступившіе дни

<sup>1)</sup> Стихотвор. о самомъ себѣ стр. 34.

послѣ удаленія съ Константинопольской кафедры Григорій провелъ въ своемъ небольшомъ помѣстьи, вдали отъ шума и свѣта, наслаждаясь только тѣпью собственнаго сада и журчаніемъ ручья. Здѣсь на ложѣ изъ древесныхъ вѣтвей, въ постели изъ надежной власяницы и среди пыли, омоченной слезами<sup>1)</sup>, оставивъ позади себя всю суету грѣшнаго міра, онъ уже всецѣло обращалъ свои взоры къ иному міру, оттуда почерпая основанія для собственнаго мира и покоя. Въ полномъ мирѣ съ окружающимъ, трепеща радостью соединенія съ Богомъ—этимъ дѣйствительнымъ миромъ и покоемъ, св. Григорій и преставился въ 389 или 390 году.

Итакъ, мы видимъ, что и жизнь св. Григорія была осуществленіемъ той любви къ миру и согласію, которую онъ настойчиво обосновывалъ и проповѣдывалъ въ своихъ словахъ. Она, во всей цѣлости своей, несмотря на самыя разнообразныя направленія ея, какъ нельзя лучше, дополняла полныя глубины философскаго умозрѣнія теоретическія наставленія Григорія о мирѣ и дѣлала ихъ доступными, понятными для всякаго слушателя.

Несомнѣнно, настойчивой проповѣди о мирѣ и согласіи отъ Григорія требовало и то время, когда онъ жилъ. Его время было временемъ пустыхъ, въ сущности, распрѣй распаленной партійности. Тогда, по словамъ одного историка, всѣ спорили, всѣ говорили, всѣ съ жаромъ стояли—кто за то, кто за другое, но мало прислушивались другъ къ другу<sup>1)</sup>. „Предположи, если угодно, что корабли порываются сильною бурсю, образно характеризуетъ это время св. Василій, что мгла покрываетъ все туманомъ, что невозможно различить ни враговъ, ни друзей. И теперешнее обуреваніе Церкви не сильнѣе ли всякаго морского волненія? Имъ сдвинуты всѣ предѣлы отцовъ, приведены въ колебаніе всѣ основанія и всѣ твердыни догматовъ. Другъ на друга нападаая, другъ другомъ низлагаемъ. Кого не ниспровергъ противникъ, того уязвляетъ защитникъ. Если врагъ низложенъ и палъ, то нападаетъ на тебя твой соратникъ. Какъ скоро врагъ прошелъ мимо, другъ

<sup>1)</sup> А. П. Лебедевъ. Вселенскіе соборы IV и V в. ч. 1. изд. 2 стр. 104.

въ другѣ уже видятъ враговъ“<sup>1)</sup>... Такое ожесточенное время споровъ и притомъ вездѣ въ баняхъ, въ лавкахъ, на улицахъ, даже въ мѣстахъ кутежей и распутства, споровъ, задѣвавшихъ глубочайшія тайны богословія, требовало отъ истиннаго христіанина несомнѣнно горячей и настойчивой проповѣди о мирѣ и единоклюбіи, глубококомъ самоанализѣ каждаго и полномъ безпристрастіи къ другому. Проповѣдь о мирѣ, философское обоснованіе этого мира для любителей мудрости того времени были вполне современными.

Но не въ этой ли проповѣди о мирѣ и согласіи людей нуждается, и нашъ вѣкъ. Прошло со времени Григорія 15 столѣтій, но и теперь изъ за любви къ Богу и Христу мы не раздѣлили ли Христа, изъ за истины не стали ли лгать другъ на друга, ради любви не научились ли ненависти, изъ за камня (1 Кор. 10, 4) не поколебались ли, изъ за Краеугольнаго Камня не разсыпались ли (ср. Григорія Бог. 1, 220)? Не наши ли недуги теперь — полагать *восхождение въ сердце своемъ*, не исповѣданіе, а отреченіе, не богословіе, но богохульства; не нынѣ ли всѣ одинъ другого расточительнѣе въ богатствѣ нечестія, какъ будто не нечестія боятся, но чтобы не стать умѣреннѣе и человѣколюбивѣе другихъ... Гдѣ у насъ уствѣ единѣ и гласъ единѣ, если и есть, то развѣ лишь для того, для чего въ древности хотѣли имѣть создавшіе столпъ (ср. Григорія 11, 216)? Не у насъ ли миръ, порядокъ превращенъ до того, что мы сдѣлавшіеся прежде изъ не-народа народомъ, изъ не-языка языкомъ подвергаемся теперь опасности — изъ самаго великаго народа и языка опять стать не-народомъ и не-языкомъ, чѣмъ въ началѣ (Григорій Бог. 11, 230)? И не теперь ли въ мирѣ живутъ только разбойники, которыхъ свѣзываетъ злодѣяніе, въ мирѣ живутъ замышляющіе о насильственной власти, сообщники воровства, заговорщики мятежа, соучастники прелюбодѣянія? Мы же, сыны Бога, не имѣемъ согласія и союза, никогда не можемъ сойтись въ одномъ, не видимъ даже и способа уврачевать такую болѣзнь, но какъ будто бы и учимъ и учимся злонравію, а не добродѣтели; много трудимся, чтобы поджигать раз-

<sup>1)</sup> Твор. Василія Вел. III, 350—352.

доръ; объ единомыслии же мало заботимся или вовсе не заботимся (Григорій Бог. 11, 231)...

Значить, возлюбленные, какъ современна, какъ необходима и для насъ проповѣдь о мирѣ и согласіи. Такіе проповѣдники мира и единоклюбія, какимъ былъ въ свое время воспоминаемый св. Григорій Богословъ, для насъ дороги и всегда вѣчны. Какъ ангелы, они вѣщаютъ намъ славу въ вышнихъ Богу и такъ страстно желанные, давно забытые нами миръ и благоволеніе среди вселенной.. Будемъ же поэтому приклонять свое сердце къ словамъ и жизни этихъ вѣстниковъ и устроителей мира на землѣ. Мы видѣли, что св. Григорій Богословъ не только на примѣрѣ личной жизни показалъ любовь къ миру; его необходимости, но въ прекрасныхъ словахъ раскрылъ и тѣ средства, которыя необходимы для водворенія этого мира. Средства эти—въ насъ самихъ. Пусть, человекъ, по наставленію св. Григорія Богослова, при свѣтѣ идеи христіанскаго Бога, познаетъ самъ себя. Пусть познаетъ, что онъ, какъ дыханіе, частица Божества, въ отраженіи тотъ же Богъ. И если Послѣдній, обнимающій согласно въ Себѣ все существующее, есть все же Единство, Миръ и Любовь, то этимъ же Единствомъ, Миромъ и Любовью долженъ быть и каждый человекъ. Отчетливо опредѣливъ себя, какъ согласное проявленіе разнообразной множественности чувствъ, желаній и представлений при единствѣ самого себя, онъ легко можетъ построить такое же опредѣленіе и всѣхъ другихъ. „Я—выходитъ—наблюдаю, что всѣ эти другіе—они—сами по себѣ суть самостоятельныя сущности, какъ я; я наблюдаю свободное единство ихъ со мною, я вижу, что это единство существуетъ какъ черезъ меня, такъ и черезъ другого. Ихъ я наблюдаю, какъ себя, себя—какъ ихъ“<sup>1)</sup>. Я наблюдаю все это и опредѣляю себя къ нимъ какъ любовь, благо—въ общемъ, какъ миръ, единоклюбіе. Какъ алавастръ муро, если растворится самъ въ муру, говоритъ одинъ изъ позднѣйшихъ мистиковъ христіанства, св. Николай Кавасила, безпрепятственно сообщаетъ это муру всему внѣшнему, такъ и человекъ, носитель Божества, отчетливо сознавая это свое Богоподобіе, является

1) Гегель. По Куно-Фишеру, перев. Лосскаго 1905 г. т. VIII стр. 361.

самымъ легкимъ проводникомъ мира и любви въ окружающее его общество <sup>1)</sup>.

Къ этому миру и согласію въ честь и память св. вселенскаго учителя и богослова Григорія будетъ въ заключеніе призывать Васъ, братіе, и наше скромное слово. Для „ловитвы“ мира отселѣ и назначено это наше слово... Умершимъ святымъ нѣтъ ничего пріятнѣе, если оставшіеся въ живыхъ по долгу благодарности къ нимъ помнятъ ихъ завѣты и наставленія. Должно запомнигъ и намъ, въ благодарность за великія заслуги предъ христіанскимъ обществомъ Григорія Богослова, его пастырскіе завѣты. Завѣты же эти: во имя Бога—Мира, во имя себя, какъ образа этого Бога, будемъ прекращать возникшія несогласія и безпорядки! Поручителемъ же мира пусть будетъ самъ Григорій Богословъ, пастырь робкій и осмотрительный, ибо онъ говорилъ:

«Будемъ прекращать собственныя разногласія (Сл. 22, 11, 219), поручителемъ же этого мира—я, пастырь робкій и осмотрительный (Сл. 26, 11, 294), шедшій принести не мечъ, но миръ (Сл. 13, 1, 305)» .. Аминь.

*Николай Фетисовъ.*

---

<sup>1)</sup> См. соч. Еп. Алексія „Византійскіе церковные мистики Х<sup>IV</sup> в.“.—ж. Православный Собесѣдникъ 1906 г. майская кн. стр. 131.



**Издательство православной  
богословской литературы  
“АКСИОН ЭСТИН”  
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

**Посетите наш сайт в интернете по адресу:**

[www.axion.org.ru](http://www.axion.org.ru)

**На сайте:**

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте:

[info@axion.org.ru](mailto:info@axion.org.ru)